

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Сергей ДОНСКОЙ

БИТВА
ПРЕЗИДЕНТОВ

Сергей Донской

Битва президентов

«Автор»

2012

Донской С. Г.

Битва президентов / С. Г. Донской — «Автор», 2012

Закон бизнеса: если есть спрос, то будет и товар. Генерал ФСБ Луконин решил заработать на неудержимом желании влиятельного польского чиновника опорочить Россию. С этой целью генерал состряпал видеофальшивку, на которой группа людей напускает искусственный туман на посадочную полосу военного смоленского аэродрома. Первоначальная цена записи – миллион долларов. Торги начались. Торгуются президенты Украины, Грузии, Польши... По мере того как эта фальшивка переходит из одних высочайших рук в другие, ее цена стремительно растет. В итоге хозяином видеоматериалов оказывается польский лидер, но заплатить ему пришлось уже двадцать миллионов. Впрочем, это мелочь в сравнении с тем, какой мощный эффект вызовет эта запись в случае ее обнародования. Авторитету России – конец! И, казалось бы, ничто уже не помешает польскому чиновнику прокрутить запись на сенсационной пресс-конференции. Российскому президенту остались считанные часы на то, чтобы найти спасительное решение...

© Донской С. Г., 2012

© Автор, 2012

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Туман, туман	7
Часть первая	18
1	18
2	26
3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Донской

Битва президентов

Принято считать, что короля играет свита. Мы видим лидера страны именно таким, каким его нам «подают». Облик первой фигуры государства – это предмет искусства, рукотворный контент, над которым без устали трудятся имиджмейкеры, помощники, пресс-секретари, референты, лидеры пропрезидентских партий, «придворные» СМИ, обласканные властью пиарщики, деятели культуры, художники, кинематографисты, писатели и т. д. и т. п. На самом же деле за монументальной иконой стоит, как правило, вполне земной, не чуждый человеческих слабостей и пороков человек, который так же, как и миллионы его подданных, тревожится о личном благополучии, болеет, сопереживает, злится, боится, нервничает и искушается. И у него своя, «королевская» игра. Она не столь заметна, как игра свиты, а подчас и вовсе незаметна; подобно шахматным королям, президенты делают осторожные и вроде бы мелкие шажки, не выпускают друг друга из поля зрения, общаются один на один, спорят, убеждают, торгуются, лукавят, блефуют – в общем, как простые смертные на рынке. Но от этой «королевской» игры зачастую переворачиваются судьбы миллионов граждан, стираются и вновь появляются государственные границы, развязываются войны – и не только экономические, гибнут целые народы и поколения...

В этой серии все, от первого и до последнего слова, художественный вымысел. Никто и никогда не узнает, о чем на самом деле говорят президенты наедине друг с другом, о чем они говорят со своими женами, о чем думают, глядя в темные пуленепробиваемые окна Белого дома, Дворца Радзивиллов в Кракове, Елисейского дворца в Париже, Бундесканцлерамта в Берлине, мадридского дворца Сарсуэла, резиденции в Ново-Огареве, римского дворца Квиринал... Мы можем только предположить и нафантазировать. Что мы и делаем.

И всё же, и всё же, и всё же...

От автора

Персонажи книги, такие как братья Корчиньские, Михаил Шахашвили, Виктор Андреевич Мищенко, Анатолий Астафьев или Владлен Вадимович Силин, вымышлены автором. События необязательно происходят в наше время. Например, нигде в тексте нет указаний на то, что описанная авиакатастрофа под Смоленском случилась именно в 2010 году. Книга является плодом творческого воображения, а не историческим документом.

Не ставя перед собой целью оскорбить чьи-то чувства или очернить кого бы то ни было, автор лишь попробовал домыслить то, что сокрыто от общественности. Если же кому-то покажется, что он узнал себя в одном из персонажей данной книги, то это может означать лишь одно: человек этот действительно говорил, думал и делал то же самое, что и литературный герой. Это лишь случайное совпадение, за которое автор ответственности не несет.

И еще. Многие ученые склонны считать, что наш мир – всего одна из возможных реальностей, которых может быть бесконечное множество. Придерживаясь этой теории, автор описал лишь один из возможных параллельных миров. Это не фантастика. Это способ защиты от государственных деятелей, которые могут почувствовать себя задетыми.

Пролог

Туман, туман

Пасмурным весенним утром, когда никто не подозревал о том, что Россия, а возможно, и весь мир стоят на пороге войны, произошел один пустяковый на первый взгляд случай, который в действительности породил целую лавину неотвратимых событий.

Ну что особенного было в том, что черный джип «Ниссан», мчавшийся по Минскому шоссе со стороны Москвы, неожиданно замедлил ход и свернул на юг? И кого могло насторожить то, что за ним последовал выдавший виды микроавтобус «Мерседес-Бенц»?

Ни джип, ни белый автобус ничем не выделялись в общем потоке машин. Относительно чистые, с блестящими тонированными стеклами, они держались в первом ряду, позволяя обгонять себя всем, кто спешил по каким-то неотложным делам. На въезде в поселок Печорск оба автомобиля сбросили скорость до шестидесяти километров в час, а затем одновременно поднажали и некоторое время двигались в направлении Смоленска, соблюдая неизменную двадцатиметровую дистанцию. Когда же «Ниссан» трижды мигнул задними фарами и прижался к обочине, микроавтобус, не сбавляя скорости, устремился дальше. Вскоре он притормозил, включил правый указатель поворота и запрыгал по пустынной грунтовой дороге, уходящей в безымянный лесок. Некоторое время его кабина мелькала среди зеленеющих деревьев, а потом пропала из виду.

Всего в автобусе находилось шесть человек, включая водителя, седого, коренастого, плечистого мужчину с водянистыми глазами и мощным раздвоенным подбородком, придававшим ему сходство с голливудским актером, играющим роль сурового, но справедливого шерифа. Однако одет он был как заправский российский вояка – в серый камуфляж с бурыми, зелеными и желтыми пятнами, а законченный вид наряду придавали тяжелые армейские ботинки, уверенно касающиеся педалей управления.

Спутники седого водителя тоже носили камуфляжную форму, но не были похожи ни на военных, ни даже на бойцов какой-нибудь охранной фирмы. Тем не менее, если верить удостоверениям, хранившимся в нагрудных карманах, все они являлись сотрудниками частного охранного агентства «Легион», зарегистрированного в подмосковном Краснознаменске. Разрешения на ношение оружия у них не было, как не было при себе какого-либо оружия, если не считать пистолета, спрятанного под камуфляжной курткой водителя. Военная выправка у пятерых пассажиров отсутствовала, дисциплина явно хромала, атлетическим телосложением никто из них не отличался. Вязаные шапочки смотрелись на их головах довольно нелепо, поскольку из-под них топорщились давно не стриженные и не мытые волосы. Зато порядком помятые физиономии пятерки выглядели умытыми и гладко выбритыми, причем выбритыми совсем недавно и не слишком умело, судя по многочисленным порезам на щеках и подбородках. Возраст пассажиров колебался от тридцати до пятидесяти, разговаривали они чуть ли не шепотом и обращались друг к другу по кличкам и прозвищам, хотя можно было заметить, что знакомы эти пятеро едва-едва, а объединяет их пристрастие к выпивке да предвкушение какого-то сказочного вознаграждения.

– Как только получу бабли, – мечтательно говорил один, – так сразу переселюсь в деревню к шурину. А что, куплю какую-нибудь хибару, картоху посажу, редиску, лучок. Закуси хватит, а остальное приложится.

– Первым делом не хибару ты купишь, Колян, а ящик водки, – рассудительно возразил другой. – И пойдешь вразнос, пока под ближайшим забором не очухаешься с пустыми карманами. Такова твоя жизненная планида. Предначертание, иначе говоря.

– А ты не каркай, не каркай, – зашипел Колян, возмущенно раздувая ноздри. – Нажраться я, конечно, нажрюсь, но не раньше, чем из Москвы слиняю.

– Я тоже слиняю, – подал голос мужик с набрякшими фиолетовыми мешками под глазами. – Опостытели мне подвалы столичные, хочю на юг податься, к морю.

– Только тебя там и не хватало, – засмеялся скептик. – Заждались Сашу Моченого у синего моря. Куда бы нам, думают, московского бомжа определить, чтоб зажилось ему легко и беззаботно?

– Олимпиада же скоро, – напомнил четвертый пассажир, скорбно морща высокий лоб мыслителя, однажды решившего, на свою беду, что истина кроется в вине. – Нашего брата к Сочи теперя на пушечный выстрел не подпускают.

– А ты там был? – окрысился пятый. – Все-то ты знаешь, Стократ, везде-то ты побывал. И откуда только такие берутся?

– Известно откуда, – парировал умный Стократ. – Все там были, да только обратно никого не пускают.

Пассажиры загоготали, но водитель, не оборачиваясь, прикрикнул:

– Заткнулись, живо! Мы почти на месте. Патлы заправить под головные уборы, голоса не повышать, пасти лишний раз не разевать. Кто назовет кличку или вякнет что-то лишнее, пусть пеняет на себя.

За спиной водителя воцарилась почтительная тишина. Стало окончательно ясно, что он действительно человек военный и облеченный властью, тогда как прочие – бесправный сброд, беспрекословно повинующийся приказам. Причиной тому было не только обещанное вознаграждение. Вторая причина – пистолет. Он был извлечен из-под камуфляжа и небрежно продемонстрирован компании стволом вверх.

– Знакомьтесь, – предложил водитель, держа руль одной рукой, – «Гюрза», экспортный вариант. Со ста метров пробивает железный лист толщиной полсантиметра. У кого череп прочнее, тот, конечно, может на мое предупреждение наплевать, но остальным советую соблюдать дисциплину. Этот пистолет бьет исключительно точно, несмотря на мощный патрон.

– Ух ты! – восхитился скептически настроенный пассажир, которого приятели называли Угрем. – Вот это вещь! Дай подержать.

Привстав с сиденья, он сделал шаг к кабине, но тут же попятился и плюхнулся на место, держась за ушибленную голову. На лбу его, чуть пониже шапочки и точно между бровями алел круглый отпечаток пистолетного ствола, похожий на почтовый штамп. Каким образом водитель умудрился нанести удар, не повернув головы и даже не сменив позы, было непонятно, но выяснять это никому не хотелось. Тем более что, раскачиваясь на рессорах, микроавтобус покатил по бездорожью. Вверх-вниз, слева направо, то ухаб, то промоина.

Некоторое время сидящие внутри инстинктивно увертывались от веток, хлещущих по стеклам, да держались за спинки сидений, благоразумно придерживая языки за зубами. Наконец белый «Мерседес» остановился, и стало слышно, как снаружи стрекочет недовольная вторжением людей сорока.

Свежий воздух ударил в головы, заполнил легкие, привыкшие дышать столичным смогом. Пахло прелой листвой и первой травкой, а еще почему-то – парниковыми огурцами, отчего всем одновременно захотелось немедленно перекусить на природе. Но загадочные мужчины в камуфляже прибыли в этот безлюдный лесок не на пикник. Выбравшись из автобуса, они принялись потягиваться и разминать затекшие ноги, а потом, не сговариваясь, закурили дешевые сигареты и, дымя, стали пристраиваться кто к кустику, кто к дереву.

Пока они опорожняли мочевые пузыри, водитель отошел в сторонку, тихо переговорил с кем-то по мобильному телефону и, возвратившись, неожиданно задал вопрос:

– Кто из вас знает, что такое туман, товарищи вольноопределяющиеся?

Не совсем понимая, почему они вольноопределяющиеся и как следует отвечать на странный вопрос, мужики завертели головами, мямля что-то невразумительное.

– Отставить, – усмехнулся водитель, выглядевший в своем пятнистом наряде именно так, как должен выглядеть командир на месте боевых действий. – Ни хрена вы не знаете, головоногие. И чему только вас в школе учили? Туман есть мельчайшие капли влаги, находящиеся во взвешенном состоянии. Образуется обычно по ночам и рано утром в низинах и над водоемами. Вызывает туман соприкосновение холодного воздуха с теплыми поверхностями. Туманы чаще бывают осенью, когда воздух охлаждается быстрее, чем земля или вода. А у нас сейчас что?

– С утра была весна, командир, – отрапортовал сообразительный Стократ.

– Верно, весна. И много ли мы тумана наблюдаем?

– Не очень, – рассудил безымянный мужик с пористым носом и неестественно румяными щеками.

– Так, дымка небольшая, – поделился наблюдениями Колян.

– Вот это нам и предстоит исправить, – загадочно произнес водитель. – Ну, братва, выгрузай аппаратуру и ящики.

Пока разношерстная команда выполняла приказ, водитель взобрался на пригорок, поросший молодой травой, и принялся осматривать окрестности. Почки на ветвях лишь недавно сменились листвой, так что деревья не мешали обзору. По левую руку от водителя угадывалось шоссе, выдающее себя далеким шумом автомобилей. Справа виднелся высокий бетонный забор, почти скрытый древесными стволами. Впереди над зеленеющими кронами возвышалась крыша голубого здания. Аркадий Барвин, доставивший переодетых бомжей в этот безлюдный лесок, знал, что в голубом здании размещается автосалон. Знал он также, что бетонной оградой обнесен военный аэродром и что ровно через сорок пять минут на нем приземлится самолет. Чтобы не пропустить этот важный момент, следовало поторапливаться.

– Все ко мне, – скомандовал Барвин, спускаясь в низину. – Приступаем к съемкам.

– К съемкам? – изумился безымянный бомж.

– Так нас в кино снимать станут? – восхитился Моченый.

– Именно, – подтвердил Барвин. – В качестве статистов. А заодно пиротехников.

– Что это еще за пиротехника такая? – буркнул Колян, беспрестанно ощупывая подбородок, все еще поражающий его своей гладкостью. – Опасно небось. Может, надбавка нам положается, а? За вредность.

– Или хотя бы аванс, – предположил Стократ, благоразумно держась за спинами товарищей.

– Каждый получит ровно пять тысяч рублей и ни копейкой больше, – отрезал Барвин. – Недовольные могут сваливать обратно. Желающие есть? – Демонстративно нащупывая рукоять пистолета, он обвел взглядом примолкших бомжей. – Желающих нет. Тогда слушайте последний инструктаж и не перебивайте, потому что бестолковые получают не деньги, а пулю в башку.

– Да мы слушаем, слушаем, – занервничал Угорь.

Барвин пнул ботинком один из трех привезенных агрегатов.

– Перед вами, – отчетливо заговорил он, – находятся суперфоггеры «Антари Зет». Это так называемые дым-машины, или генераторы тумана, именуемые в армии средствами аэрозольной маскировки. В ящиках бесшумные дымовые шашки. О них чуть позже. Сперва займемся генераторами. Принцип их действия предельно прост. Аппаратура запрограммирована специальными растворами, которые распыляются с помощью насосов.

– Спирт? – быстро спросил румяный бомж.

– Глицерин, гликоль, минеральные масла и кое-какие реагенты, – успокоил его Барвин. – Химический состав абсолютно безвреден. Вас это не касается. Вам нужно знать лишь, как включать генераторы, куда их направлять и как себя вести. Посему мотайте на ус. Регулировка

подачи дыма производится вот этим тумблером. Включаем... – Он утопил кнопку. – Выставляем максимум... – Он повернул колесико по часовой стрелке. – Направляем раструб так, чтобы дым шел как раз между забором и тем голубым зданием, видите?

– Видим, ага, угу, – подтвердил нестройный хор голосов.

– Жидкость начала испаряться, – продолжал Барвин, склонившись над агрегатом «Антари Зет». – На выходе она конденсируется, приобретая вид дыма. Насос выдувает ее наружу, ветер разносит по сторонам, и она все больше напоминает самый обычный туман. Когда будут включены все генераторы, двое из вас добавят копоты дымовыми шашками. Через пятнадцать минут вокруг поднимется такая завеса, что видимость сократится до десяти метров. – Выключив фоггер, Барвин обвел взглядом притихших слушателей. – Но это не означает, что вы превратитесь в невидимок. Я буду не только наблюдать за вами, но и снимать на камеру. Так что сачковать не рекомендую. Настоятельно не рекомендую. Усвоили, граждане маргиналы?

– Да, – откликнулись бомжи, – усвоили... конечно...

Удовлетворенно кивнув, Барвин показал, как бросают дымовые шашки. Предупредил, что по окончании съемок все желтые банки должны быть собраны, поэтому слишком далеко швырять их не следует. Напомнил о недопустимости обращения друг к другу по именам. Велел ограничиваться междометиями и короткими репликами. Взглянув на часы, заговорил командным, властным тоном:

– Приступаем. Всем натянуть колпаки на морды, до самого подбородка. Задохнуться не бойтесь, там есть дырки для глаз и рта. Ты и ты, – Барвин указал на Моченого и Коляна, – берете эту штуковину и волочете ее туда, в ложину. Эти двое, – слова адресовались Угрю и Стократу, – несут второй генератор вон к тем березам, потом возвращаются за третьим... Ну а ты, румяный, – взгляд переместился на безымянного бомжа, – поднимаешься с ящиком на пригорок и ждешь там команды. Бегом, бегом! – Барвин требовательно хлопнул в ладоши. – Шевелитесь, господа артисты! Массовка начинается!

Они управились вовремя. Когда вдаль послышалось гудение снижающегося самолета, лесополоса была затянута слоистым дымом, колышущимся на ветру. Поднимаясь к небу, дым редел и рассеивался, напоминая по виду самую настоящую туманную мглу.

Самолета видно не было. Подлетев с запада, он ушел на разворот. Некоторое время шум его моторов едва угадывался в тумане, а потом стих, и бомжи переглянулись.

– Улетел, – растерянно произнес кто-то.

– Вернется, – сказал Барвин, вооружаясь цифровой видеокамерой. – У нас есть две-три минуты. Работаем, работаем! Переставляйте аппаратуру, делайте вид, будто что-то регулируете, не забывайте про шашки. Когда самолет появится в небе, проводите его взглядами. И пусть самый сообразительный из вас... ты, лобастый... слышишь меня?

– Да, – глухо отозвался Стократ, выглядевший весьма зловеще в своей черной маске. – Что я должен сделать?

– Негромко, но внятно произнеси: «Вот они, голубчики, прилетели».

– Вот они, голубчики, прилетели. Так?

– Отлично, – одобрил Барвин. – Теперь ты, румяный.

– А? – повернулся безымянный бомж.

– Как только услышишь про голубчиков, скажешь, что, мол, конец им.

– Кому? Голубчикам?

– Именно. А ты, оказывается, не все мозги пропил.

– Кой-чего осталось, – приосанился бомж. – А почему им конец?

– Неважно, – отмахнулся Барвин. – Кончай базар. Дубль первый, он же последний, мотор, снимаю!

Он действительно включил видеокамеру и присел за кустом, стараясь, чтобы вместе с пятнистыми фигурами в кадр попадали ветки. Это создавало иллюзию съемки скрытой камерой, чего Барвин и добивался. При этом он нашептывал короткие комментарии, придающие фильму дополнительный реализм: «Вот они... кажется, их пятеро... меня не замечают... рассеивают дым...»

Вскоре самолет, описавший круг над аэродромом, приблизился снова, заходя на посадку, и тогда объектив прицелился в небо, как бы отыскивая его там. На самом деле Барвин прекрасно понимал, что дымовая завеса мешает съемке, да и не слишком стремился поймать самолет в кадр. Ему было достаточно мимолетно запечатлеть смутный крылатый силуэт с сигнальными огнями под фюзеляжем, после чего он поспешил направить объектив на человеческие фигуры, перемещающиеся внизу. Затем он сдавленно выругался и побежал прочь, с хрустом ломая ветки. Это должно было изображать погоню. Сделав несколько размашистых шагов, Барвин выключил камеру, повернулся и пошел обратно, отдавая на ходу распоряжения:

– Маски можно снять. Грузим аппаратуру, собираем дымовые шашки и отваливаем. На сборы пять минут. Время пошло.

Пока запыхавшиеся бомжи сносили генераторы к микроавтобусу, Барвин просмотрел отснятый ролик и остался весьма доволен увиденным. Настоящее реалити-шоу. Все получилось так, как требовал заказчик, а может, даже лучше. Шестиминутный фильм удался на славу. Барвин честно заработал причитающиеся ему пятьдесят тысяч долларов. Для уволенного в запас старшего прапорщика пограничных войск России это был крупный куш. За время службы на границах с Грузией и Туркменией он получил тяжелое ранение, несколько наград, но капитала так и не нажил. Сегодняшняя операция исправила это досадное недоразумение.

Мурлыча под нос романс про «утро туманное, утро седое», Барвин включил зажигание, ловко развернулся на маленькой поляне и погнал микроавтобус в обратном направлении, размышляя о том, как распорядится неожиданно свалившимся на него богатством. Планы были грандиозные: от приобретения личного автотранспорта до предложения руки и сердца молочнице Даше из дачного поселка, где Барвин подрабатывал сторожем, когда не имел других источников дохода.

Даша приезжала в поселок на разболтанном мужском велосипеде с горизонтальной рамой и крутила педали столь энергично, что делалось страшно за ее трущиеся друг о друга ляжки. Барвин не сильно увлекался молочными продуктами, но любил крупных, полных женщин деревенской наружности. Вертя баранку, он видел перед собой призрачный образ Дашы на велосипеде; она работала ногами еще шибче прежнего, и ее ягодицы переваливались прямо перед глазами замечтавшегося Барвина. «Хороша Даша, – прикидывал он. – Была ваша, стала наша».

Головы его пятерых спутников, по-видимому, были заняты столь же приятными мыслями, потому что голоса их звучали расслабленно и томно. Одним словом, ухабистая дорога до трассы пролетела незаметно, а там перед «Мерседесом» пристроился знакомый джип «Ниссан», мигнул габаритными огнями, подавая условный тройной сигнал, и доставил «съемочную бригаду» до Минского шоссе, где, прижавшись к обочине, стоял небольшой мебельный фургон с рекламными слоганами на бортах. «Мягкий мир кресел и диванов», – машинально прочитал Барвин и поежился, представив себе, каково это – очутиться среди кресел и диванов, которые, возможно, обладают разумом и вовсе не считают человека венцом творения.

Ни из джипа, ни из кабины фургона никто не вышел, зато призывно запиликал мобильник Барвина, выводя мелодию «Коней привередливых». На дисплее высветился знакомый номер.

– Да, – сказал Барвин, подозрительно обозревая окрестности.

Доверяй, но проверяй, а еще лучше – не доверяй полностью никому и никогда, так гласил лозунг, которым руководствовался бывший прапорщик в своей богатой событиями жизни.

Намеревался он дотянуть лет до ста, а потому, берясь за рискованное поручение, соблюдал предельную осторожность и не позволял себе расслабляться раньше времени.

– Как успехи? – поинтересовался заказчик, который, не мудрствуя лукаво, величал себя Иван Ивановичем.

Барвину было ясно, что на самом деле этого человека зовут иначе, однако докапываться до истины он не стал. Иван Иванович так Иван Иванович. Лишь бы деньги были настоящие.

– Все в порядке, – сказал Барвин.

Машины с фырканьем проносились мимо, не задерживаясь возле джипа, микроавтобуса и фургона, стоящих на обочине. Все действительно было в порядке. Если не считать внутреннего голоса, который советовал Барвину держаться начеку.

– Сейчас подойдет человек, – сообщил Иван Иванович, – посмотрит, что там у тебя получилось.

«Внимание!» – предупредил внутренний голос. Барвин сделал глотательное движение, стараясь смочить стремительно пересохшую гортань.

– Из моих рук, – предупредил он.

– Это как? – удивился Иван Иванович.

– Камеру отдам в обмен на деньги, – заявил Барвин, трогая пальцами ребристую пистолетную рукоять.

Заметив движение в зеркале заднего обзора, он стремительно обернулся и, направив «Гюрзу» на бомжей, процедил:

– Ну вы, жертвы рыночных реформ. Отсели на задние сиденья, и чтобы пальцем никто не смел пошевелить без моего разрешения. Сейчас вы восковые фигуры или манекены, это уж как вам больше нравится.

– Не доверяешь своим гопникам? – хмыкнул Иван Иванович.

– Они такие же мои, как ваши, – отрезал Барвин. – Не доверяю ни им, ни вам.

Бомжи, сгрудившиеся в дальнем конце салона, молча слушали, по-обезьяньи мигая глазами. Сейчас, когда они были напуганы и сбиты с толку, сходства с нормальными людьми у них осталось совсем чуть-чуть. В сером свете они казались Барвину стаей человекообразных существ, однако боялся он не их, а заказчика, с которым говорил по телефону.

– Вам в особенности, – брякнул он, злясь на себя за излишнюю прямолинейность.

Иван Иванович не обиделся.

– Тут ты прав, прапорщик, – примирительно произнес он. – В наше время ни брату, ни свату доверять нельзя. Так что и ты меня пойми. Должен я убедиться, что заказ выполнен? Должен.

– Берите деньги и приходите, – предложил Барвин. – Я кручу ролик, вы смотрите.

– Нет, мы поступим немного иначе. Я подошлю своего человека, вот пусть он и смотрит. Камера пока что при тебе остается, а деньги при мне. Устраивает?

Иван Иванович выжидательно умолк.

– Ладно, устраивает, – мрачно согласился Барвин.

Связь прервалась. Из джипа вышел молодой человек в мятом костюме с галстуком, забрался на переднее сиденье, вопросительно приподнял брови, тонкие и изящные, как у девушки.

– На, любуйся, – сказал Барвин, включая просмотр на дисплее. Камеру, висящую на ремешке поверх куртки, он не выпускал из рук. Его глаза то бегали по сторонам, то изучали лицо визави, ища признаки, говорившие о подвохе.

Опасения оказались напрасны.

Все шесть минут, пока длился ролик, молодой человек сохранял полную неподвижность и воздерживался от комментариев, а досмотрев, молча отправился восвояси. Провожая его взглядом, Барвин вытер взмокшие ладони о штанины.

- Проблемы, командир? – опасливо спросили за его спиной.
- Еще раз возникнете, – предупредил Барвин, – будут проблемы. У вас.

Зазвонил мобильник.

- Ну что же, – произнес невидимый Иван Иванович, – похоже, фильм удался.

- Сам знаю, что удался. Но камеру получите только в обмен на деньги.

– Да кто ж с тобой спорит, прапорщик? Пусть твои орлы переодеваются. Потом выходите по одному и забирайтесь в мебельный фургон. Дверь открыта.

- «Мир диванов и кресел»?

- Он самый.

- А расчет? – уперся Барвин.

Иван Иванович вздохнул:

- Вас отвезут в Москву, там получите обещанное.

- Почему не своим ходом? – насторожился Барвин.

– Посты ДПС на каждом повороте, – пояснил Иван Иванович. – Да и что значит: своим ходом? Автобус возвращать пора. Отсюда он поедет в другую сторону.

Это звучало убедительно. Настолько убедительно, что внутренний голос Барвина не нашел что возразить Иван Ивановичу, тот не торопился завладеть драгоценной видеокамерой, не хитрил, не страшал, не науськивал на Барвина своих людей. И все же вероятность ловушки исключать было нельзя. Кому охота добровольно расстаться с пятьюдесятью тысячами долларов?

- Пушку не сдам, пока не получу бабки, – твердо произнес Барвин. – Камеру тоже.

Расстаться с пистолетом в этой глуши означало поставить на кон собственную жизнь. Слишком высокая ставка. Слишком неравные шансы.

– Никто тебя не торопит, прапорщик, – сказал Иван Иванович. – Пушку и камеру оставь при себе, народу скажи, что деньги будут розданы по прибытии на место. Ты где команду набирал? Возле Павелецкого вокзала, если не ошибаюсь? Вот там и поговорим. Конец связи.

Барвин нахмурился и отнял от уха умолкший телефон.

– Всем переодеваться, – велел он. – Нас отвезут в Москву, там получите бабки. Шевелитесь, тля, шевелитесь!

Пока бомжи, галдя, переодевались в свои потрепанные одежды, Барвин сидел неподвижно, обдумывая ситуацию. Подозрения оставались, но, когда занимаешься темными делами, без риска не обойтись. Что касается Барвина, то он рисковать привык, хотя не сильно любил это дело. Многолетний боевой опыт научил его не только смотреть опасности в лицо, но и выживать всем смертям назло. Он был уверен в себе. У него имелся пистолет, заряженный боевыми патронами, и драгоценный видеоролик. Отобрать то и другое будет непросто. Если кто-то думает иначе, то его ждет большое разочарование.

– За мной, – скомандовал Барвин, спрыгнул на землю и зашагал к мебельному фургону той бесшумной, пружинистой поступью, которой ходил когда-то в разведку.

В джип заглядывать он не стал, понимая, что это будет нарушением правил предложенной ему игры. Потянул на себя створки фургона и на всякий случай присел, готовый к любым неожиданностям. Их не последовало. Внутри мебельного фургона было пусто, если не считать шести литровых бутылок водки и пары палок копченой колбасы для закуски.

Набрав номер Ивана Ивановича, Барвин предупредил:

– В темноте не поеду. И если почую неладное, если вздумаете завезти нас в ближайшую рощу...

– Насчет освещения можешь не беспокоиться, прапорщик, – послышалось в ответ. – А повезут вас по шоссе, не сомневайся. И вообще, я со своими людьми отчаливаю. До встречи в Москве.

В подтверждение слов Ивана Ивановича джип фыркнул, сорвался с места и помчался прочь.

– У меня с собой граната, – соврал Барвин, провожая удаляющийся автомобиль взглядом. – Вы ведь не хотите, чтобы отснятый материал разлетелся на мелкие пиксели?

– Еще одна угроза, прапорщик, и я отменю нашу сделку. Ты не в горах с бандитами общаешься. За кого ты меня принимаешь? И кем возомнил себя? Рэмбо какой выискался! Граната у него, как же! Думаешь, я не знаю, что у тебя есть, а чего нету? – Посопев, Иван Иванович завершил тираду слегка смягчившимся тоном: – Ладно, Рэмбо, хватит переливать из пустого в порожнее. Полезай в фургон и потерпи пару часиков. Не один ты здесь нервный. Я, знаешь ли, тоже денег за свою работу хочу, но гранатами никому не угрожаю и ультиматумов не выдвигаю.

Тут Иван Иванович отключил связь, и успокоившийся Барвин полез в фургон. За ним последовали остальные, окончательно переоплотившиеся в тех, кем являлись изначально, – бездомных бродяг и пропойц, неряшливых, оборванных и вонючих. При виде дармового угощения все они необычайно оживились и принялись откупоривать бутылки еще до того, как фургон завелся. Пили из горлышка, колбасу рвали прямо зубами.

Барвин к водке не прикоснулся, а к закуске тем более. Он решил быть трезвым, чтобы не утратить бдительности. Короче говоря, пытался контролировать обстановку, насколько это было возможно в его положении.

Когда Стократ захлопнул за собой створки двери, снаружи их закрыли на засов, так что Барвин невольно почувствовал себя загнанным в ловушку. Лампочка внутри имелаась, но свет от нее лился тусклый, мертвенный, навевающий тоску. Стены и пол фургона были обшиты оцинкованным железом, гладкий пол тоже блестел и лоснился, но в центре была приварена решетка размером метр на полтора, и, как догадался Барвин, предназначалась она для вентиляции, поскольку окон в металлическом коробе не было, а между дверными створками невозможно было просунуть даже ноготь.

– Курить вредно для здоровья, – угрожающе процедил Барвин, заметив, что приложившиеся к бутылкам бомжи потянулись за сигаретами и зажигалками.

Побурчав, они отказались от затей. Усевшись в дальнем углу, Барвин уставился в пол между согнутых в коленях ног.

Никакой гранаты у него не было – он блефовал. Зато заряженный пистолет остался при нем, и это внушало уверенность. Кроме того, плохо верилось в то, что заказчики окажутся настолько прижимистыми, что предпочтут расстрелять исполнителей, лишь бы не расставаться с деньгами. Слишком много шума и крови, да и сумма, по столичным меркам, не так уж велика.

Косясь на хлебающих водку попутчиков, Барвин не прислушивался к их бестолковой хмельной болтовне. Его мысли были заняты другим. Зачем таинственному Ивану Ивановичу понадобился этот фильм, снятый возле военного аэродрома? Почему он потребовал, чтобы в кадр попал садящийся самолет? Каким образом этот тип вышел на Барвина в полной уверенности, что тот справится с поставленной задачей? Ознакомился с его личным делом? В таком случае Иван Иванович имеет доступ к архивам ФСБ, а может, и служит там. Тогда вероятно, что Барвин был задействован в некой секретной операции, последствия которой могут оказаться самыми неожиданными. Значит, получив деньги, нужно сматываться – как можно быстрее и дальше. Месяц, а то и два провести где-нибудь у черта на куличках, не привлекая к себе внимания, а там видно будет.

Аркадий вздрогнул, когда свет внезапно погас. Бомжи встревоженно загомонили, да и Барвину стало не по себе. Темнота была непроглядная, хоть глаз выколи. Ни дырочки, ни щелочки, пропускающей дневной свет, – только сплошной непроницаемый мрак, порождающий инстинктивный страх. Барвин развернулся, готовясь начать колотить ботинками в стену, но тут лампочка включилась снова. Казалось, она горит чуть ярче, чем прежде, а рокот мотора

изменился, сделавшись громче и, может быть, веселее. Это свидетельствовало о том, что фургон увеличил скорость.

Почему?

Барвин прислушался. Фургон по-прежнему катил по ровному асфальту, не раскачивался на рытвинах, а снаружи доносилось фырканье проносящихся мимо машин. Никаких резких поворотов, никаких подозрительных звуков не было. Взглянув на часы, Барвин уселся поудобнее, оперся спиной на стену и сунул ладони под мышки, упершись подбородком в грудь. Крепко спать он не собирался, а вздремнуть – почему бы и нет? Дорога в наглухо закрытом кузове обещала быть долгой и утомительной. Сон мог скрасить ее немного, и Барвин сомкнул веки.

Некоторое время до него долетали обрывки пьяных разговоров, а потом в мозгу начали проплывать некие красочные образы, и, наконец, дремота сменилась сном. Привиделась Барвину какая-то живописная деревенька у реки, подернутой вечерней дымкой. Из дымки той вышла пышная бабенка, прикрывающая срам березовым веником, поманила за собой и скрылась в бревенчатой бане на берегу. Не мешкая, Барвин устремился за ней и, раздвигая руками густой, горячий пар, принялся искать соблазнительницу, зовя ее по имени: «Даша, Даша». Пятерни его никак не могли нащупать упругую теплую кожу, все время натывались на гладкие стены. Тогда он решил позвать Дашу погромче, напряг голосовые связки, что-то промычал и проснулся.

Чугунная голова болталась на слабой шее, как неживая. Отяжелевшие веки упорно отказывались открываться полностью, а распухший язык не умещался во рту. Перебарывая сонную одурь, Барвин ударил себя по одной щеке, по другой и часто заморгал, не понимая, где находится и что с ним происходит.

По полу, задевая друг друга, катались бутылки с недопитой водкой. Пятеро спутников сидели и лежали в причудливых, расслабленных позах, никак не реагируя на сиплые оклики Барвина. У растянувшегося на полу Стократа дико закатились зрачки, его ноги судорожно подергивались, а изо рта стекала то ли пенная слюна, то ли желчь. Глаза были открыты и у привалившегося к нему безымянного бомжа, ставшего не просто румяным, а розовым, как спящий младенец. Лиц остальных Барвин не видел, но ему стало ясно, что происходит нечто страшное.

Происходит или произошло?

Вторично отхлестав себя по щекам, он не почувствовал ударов, но начал приходить в себя. Его спасло то, что он не пил водку. Пьяные бомжи забылись мертвецким сном, так и не заподозрив подвоха. Кое-кто из них обмочился, а кто-то, судя по запаху, и вовсе обделался. Но вонь мало беспокоила Барвина. Главное было выжить, выжить во что бы то ни стало.

Постанывая, он расстегнул куртку, задрал свитер и оторвал кусок от футболки. В военном училище, где он проходил подготовку, рассказывали о множестве способов убийства человека, и ему были отлично известны признаки отравления угарным газом. Сперва вялость, апатия, затем галлюцинации и потеря сознания, сопровождаемые ослаблением дыхания, покраснением кожи и расширением зрачков. Все эти симптомы были налицо у пятерки бомжей, а кроме того, Барвин ощущал их у себя. В висках стучали тяжелые молоты, к горлу подступала рвота, пальцы дрожали, взгляд то и дело застилало темной пеленой.

– Суки, – сказал Барвин и не услышал ни собственного голоса, ни последовавшего приступа кашля.

Еще пару минут, и он так и не заметил бы, как перенесся из привидевшейся баньки прямо в мир иной. Мебельный фургон оказался душегубкой, или газенваненом, как называли подобные машины в фашистской Германии. Камера смерти на колесах. Невидимая, коварная погибель проникала внутрь вместе с выхлопным газом, вырабатываемым автомобильным двигателем. Окись углерода, та самая, которую в народе называют угаром. Он поступает в кровь

в 200 раз быстрее кислорода и буквально врывается в мозг, легкие, сердце. Наступает кислородное голодание и удушье...

Дотянувшись до бутылки, Барвин полил ею обрывок ткани и стал дышать сквозь нее, но водочные пары дурманили его, мешая мыслить связно. Тогда он еще раз рванул футболку и поспешно помочился на тряпку, как это рекомендовал когда-то инструктор в учебке, рассказывая про средства спасения во время пожара в задымленном помещении. Фокус с тряпкой изобрели во время войны евреи, умудрявшиеся выживать в немецких душегубках.

Мысленно благодаря их, Барвин экономно дышал сквозь мокрую ткань, не обращая внимания на удушливый смрад и резь в слезящихся глазах. В какой-то момент он подумал, что неплохо бы продырявить борт фургона pistolетными пулями, чтобы получить доступ к свежему воздуху, но отказался от этой затеи, опасаясь привлечь к себе внимание выстрелами. Приказав себе не паниковать, он опять окропил тряпку мочой и лег на спину, покусывая себя и щипая, чтобы не отключиться.

Когда душегубка замедлила ход и поехала по какой-то плохой, тряской дороге, он достал pistolет, снял его с предохранителя, осторожно сунул под свитер и прикрыл поллой куртки. Через пять минут фургон остановился. Заскрежетал запор, дверь распахнулась, внутрь ворвался поток восхитительно чистого воздуха. Барвин, отбросивший тряпку, неподвижно лежал на полу, касаясь кончиками пальцев рукоятки pistolета.

– Ну и вонища, – пожаловался чей-то голос.

– А ты как думал? – рассудительно отозвался второй. – Не голландские тюльпаны привезли.

– Они обоссались, блин. Да еще и обгадились в придачу.

– Так всегда бывает. Это у меня третий маршрут. Ты тоже привыкнешь. Шеф не любит пальбы.

– Лично я не люблю разгребать дерьмо... Звать, что ли, землекопов?

– Погоди-ка.

Услышав характерный щелчок передернутого затвора, Барвин внутренне напрягся. Его тело приготовилось принять в себя автоматную очередь, но обошлось. Вместо того чтобы стрелять, неизвестный забрался в фургон, тяжело топая, приблизился, склонился над Барвиным, снял с него видеокамеру и выбрался наружу, удовлетворенно крикнув:

– Порядок.

Послышались голоса других мужчин, подошедших к фургону. Их ругали за то, что яма вырыта неглубокая, а они оправдывались: мол, все равно скоро подъедут мусоровозки и завалят могилу.

– Будет покруче скифского кургана, – обещали они. – Не то что люди не найдут, крысы не нюхают.

Барвин понял, что его привезли на одну из исполинских подмосковных свалок, и только теперь почувствовал, что воздух, которым он дышит, не такой уж свежий, а до ушей его доносятся неумолчное карканье тысяч ворон, орущих в предвкушении добычи. Это было так жутко, что он едва не вскочил на ноги, чтобы ринуться наутек, но, слава богу, удержался. «Нельзя, нельзя, – твердил он себе. – Тебя считают мертвым, так не выдавай же себя, затаись среди покойников... Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие как часовые...»

Некстати пришедшие на ум строки Высоцкого все крутились и крутились в голове Барвина, звуча до того отчетливо, что голоса реальных людей доносились до него словно бы изда-лека.

– Ладно, – решил человек, конфисковавший у него камеру. – Вытаскивайте жмуrow и закапывайте. Вот деньги, по пять штук на рыло...

«Расценки стандартные, – подумал Барвин. – Мои гаврики тоже должны были получить по пять тысяч, но просчитались. Эти хотя бы рубли в руках подержат перед смертью».

Аркадий знал, что и как будет делать. Сброшенный на землю с полутораметровой высоты, он не пикнул, не поморщился и не моргнул глазом. Голова трупа, следовавшего за Барвиным, врезалась ему в солнечное сплетение, но и тут он сумел сохранить полную неподвижность. Остальные тела, к счастью, сбросили поодаль. Барвин слышал, как они падают, и с необычайной остротой ощущал, что сам-то он жив, что он не превратился в труп, с которым можно обращаться как с бревном или мешком картошки.

Жив! Жив! Жив! Наши мертвые нас не оставят в беде!

А потом его поволокли за ноги и столкнули в яму. В нос ударил запах сырой земли. Пока могильщики возились с остальными телами, Барвин услышал шум отъезжающей машины и позволил себе слегка приоткрыть веки. Сперва он увидел лишь небо, затянутое облаками, затем в поле зрения возник человеческий силуэт с лопатой. Прошуршала земля, комья посыпались на Барвина, и он едва не чихнул от пыли, попавшей в ноздри. Зажмурившись, он выжидал, не обращая внимания на порции рыхлой земли, снова и снова летящие сверху. А когда гудение двигателя стихло вдаль, нащупал рукоять пистолета и сел, протирая свободной рукой глаза.

Пауза длилась какие-то доли секунды, однако, должно быть, показалась двум могильщикам невероятно долгой. Замерев с лопатами наперевес, они глядели на Барвина, и физиономии их серели прямо на глазах.

– «Воскресшие мертвецы», третья серия, – пробормотал Аркадий, сам не понимая, для чего понадобилось ему зубоскалить в столь ответственный момент. Наверное, ему просто надоело изображать из себя покойника, и его радовало, что он вновь может разговаривать и голосовые связки по-прежнему подчиняются ему.

– Что? – глупо спросил один из могильщиков, зацепился ногами за кучу земли и с размаху сел на нее. Его выпученные глаза увеличились до размера теннисных шариков, и, казалось, они вот-вот вывалятся из глазниц и покатятся в яму.

– Ничего, – сказал Барвин и нажал на спусковой крючок.

Сидящая перед ним фигура упала как кукла, которую дернули за невидимую ниточку.

Хлесткий выстрел переполошил воронью стаю, отозвавшуюся тысячеголосым хриплым хором. Но еще прежде, чем черные птицы дружно поднялись в небо, Барвин послал пулю во второго могильщика, замахнувшегося лопатой. Тот осел на колени, пытаясь что-то сказать, однако второй выстрел опрокинул его на спину.

Барвин медленно поднялся из ямы, едва не сделавшейся его могилой.

– Вот и все, – выдохнул он и ошибся.

Это был не конец истории, а только ее начало.

Часть первая

Прах и пепел

1

Утром в субботу, 10 апреля, президент Польши Стас Корчиньский поднялся на трап правительственного самолета с женой Марией под руку. Оба маленькие, подвижные, чуть застенчивые с виду, они походили друг на друга, как это бывает с супругами после долгих лет счастливого брака. Но если Мария казалась подавленной и чем-то опечаленной, то на круглом лице ее мужа сияла торжествующая улыбка.

Это был день не только его личного, но и национального триумфа. Через каких-нибудь три часа Польше предстояло поквитаться с Россией за все свои бывшие поражения и унижения. Символично, что реванш должен был состояться в Катыни, где в 1940 году погибли тысячи пленных офицеров Войска польского. Долгое время Кремль пытался переложить ответственность за массовые расстрелы на гитлеровцев, но Евросоюз наконец надавил как следует, и пару дней назад российский премьер-министр, спасая проект газопровода «Северный поток», был вынужден признать виновными в катынской трагедии НКВД, Берию, а также лично товарища Сталина.

Правда, хитрый Силин и здесь не обошелся без оговорок. Помянул тридцать две тысячи красноармейцев, погибших в тридцатые годы в польском плену, намекнул, что расстрел в Катыни мог быть кровавой мстью Сталина. А потом и вовсе сменил тон, заявив:

– Может быть, это что-то может объяснить, мы не знаем. В документах этого нет. И вообще большой вопрос: почему часть людей сослали в Сибирь, а часть взяли и расстреляли? – Выразительно подняв брови, Силин покачал головой: – Нет этому рационального объяснения, и в документах этого нет.

Братьев Корчиньских словно холодным душем окатили, когда они услышали силинскую тираду, и тогда один пообещал другому:

– Вот увидишь, Мирек, я ему это припомню!

Миреком был Мирослав Корчиньский, бывший премьер Польши, отодвинутый на задний план вечным оппонентом Дональдом Тусеком. Что касается брата-близнеца Мирослава, Стаса, то он свое президентское кресло не собирался уступать никому и ни при каких обстоятельствах. Правда, в последнее время кресло опасно пошатнулось, однако Стас Корчиньский намеревался не только усидеть на нем, но и упрочить свое положение. Произойти это должно было в ходе мероприятий в память о жертвах катынского расстрела, приуроченных к семидесятилетию этого ужасающего злодеяния. Вот почему в Россию Корчиньский летел не в скорбном, а в приподнятом настроении. Там, под Смоленском, возле траурного мемориала, в присутствии множества соотечественников и зарубежных журналистов президент Польши собирался произнести самую значительную речь в своей жизни. Она готовилась лучшими спичрайтерами, тогда как каждый шаг Стаса Корчиньского, каждый его жест, тон и мимика репетировались под руководством команды опытейших имиджмейкеров. И теперь, вступая на борт авиалайнера, он ощущал себя актером, появившимся на сцене в лучах прожекторов.

– Приветствую вас, пане и панове, – воскликнул Стас Корчиньский, прежде чем проследовать в свой отсек люкс. – Рад видеть вас здесь в этот знаменательный для всех нас день. Приношу извинения за тесноту и временные неудобства, но вините в этом не своего президента, а сейм, и только сейм. Там считают каждый злотый, потраченный мною, так что о «Боингах» остается пока только мечтать.

Полушутливый спич Корчиньского был встречен одобрителными аплодисментами. Все, кто видел и слышал президента, понимали, что он имеет в виду. Дискуссия о приобретении новых самолетов для польских руководителей велась давно и безуспешно. Ссылаясь на экономический кризис, премьер-министр Польши Дональд Тусек наотрез отказывался выделять средства на обновление правительственного авиафлота. В результате президент был вынужден летать на допотопном «Ту-154», единственной модели советских самолетов, допускаемой в воздушное пространство Евросоюза. Самолету было двадцать с лишним лет, и, хотя он только что прошел капитальный ремонт и был начинен современной авионикой, комфортабельности внутри от этого не прибавилось.

Вместе с президентской четой этим «Ту-154» летела почти вся государственная знать Польши: высокопоставленные чиновники, секретари канцелярии президента, главы нацбезопасности, министры и их заместители, главкомы, начальники штабов, командующие гарнизонами, капелланы и епископы, а также видные общественные деятели. Помимо официальной делегации в тесных салонах ютились журналисты и телерепортеры, не внесенные в списки по той простой причине, что приземляться предстояло на военном аэродроме «Северный», где запрещалось вести видео- и фотосъемки. Корчиньскому же хотелось попасть в прямой эфир телемарафона сразу по прибытии в Смоленск, чтобы объективы запечатлели его, сходящего по трапу, с головой, низко склоненной в память о тысячах безвинно казненных соотечественниках. Остальное доделает команда польских и зарубежных СМИ, уже вылетевшая на место событий под присмотром посла Ежи Бара. И тогда уже ни господину Силину, ни господину Астафьеву не отделаться общими фразами, поскольку в своем обращении Корчиньский потребует не только признания геноцида против польского народа, но и публичных извинений, после чего начнется масштабный пересмотр итогов Второй мировой войны. Скоро, очень скоро Россия станет платить по счетам СССР, и тогда никакого газа, никакой нефти не хватит ей для выплаты репараций!

– Что же ты приуныла, Мария? – ласково спросил Корчиньский, располагаясь у окна за столом, заваленным свежими журналами и газетами. – Плохо себя чувствуешь?

– Мне страшно, Стасик, – тихо ответила жена, тревожно прислушиваясь к свисту включившихся двигателей. – Никогда еще так страшно не было, веришь?

– Странно. Прежде ты никогда не боялась летать.

– Просто я давно не летала *с тобой*.

– Вот так новость! – В смехе Корчиньского не прорезалось ни единой нарочитой нотки, заявление жены действительно рассмешило его. – И чем же это я такой страшный, дорогая?

– Ты не страшный, Стасик, – произнесла пани Мария, понижая голос до шепота, – ты добрый и очень хороший, но...

Сорвавшийся с места «Ту-154» побежал по бетону, выруливая на взлетную полосу. Лица многих пассажиров окаменели, как будто их готовились запустить по меньшей мере в космос.

– Договаривай, – предложил Корчиньский, приветливо улыбаясь приблизившемуся Ардановскому, своему ближайшему другу и советнику со времен пресловутого «мясного эмбарго». – Присаживайся, Кшиштоф. Тебе выпала честь узнать государственную тайну из уст первой леди страны. Моя женушка собирается поведать что-то чрезвычайно секретное.

Фыркнув, Стас перевел взгляд на супругу.

– Никакого секрета тут нет, – возразила она, не принимая шутливого тона. – Все газеты только и пишут о том, как тебе не везет с полетами в последнее время. Вот, полюбуйся, – она ткнула пальцем в «Трибуну». – Небеса предупреждают президента... Тут перечислены последние случаи, когда ломались твои самолеты. Это и чрезвычайное происшествие в Монголии, и злополучный рейс в Нью-Йорк, и обледенение самолета над Украиной... А Корея, помнишь? – Пани Мария прижала маленькие кулачки к груди. – Вас тогда едва не опрокинуло ветром при посадке... Сидя у телевизора, я думала, что сойду с ума. Ах!..

Она непроизвольно вскрикнула, когда притормозивший самолет ринулся вперед с такой скоростью, что напрягшихся пассажиров вдавило в спинки сидений. Мягкий толчок, и вот уже земля, оставшаяся внизу, стала удаляться с каждой секундой. Ардановский нервно сглотнул, избавляясь от пробок в ушах.

– За все надо благодарить нашего премьера, – включился он в беседу. – В прошлом месяце пан Тусек опять заявил, что не собирается раскошелиться на приобретение шикарного, как он выразился, аэробуса. Мол, стране достаточно самолетов, которые гарантировали бы президенту элементарную безопасность.

– Тусек, Тусек, Тусек! – проговорил Корчиньский, кривясь, как от зубной боли. – Куда ни ткнись, за что ни возмись, всюду этот Тусек ставит барьеры на пути. Он прямо-таки лез из кожи, чтобы очутиться сегодня на моем месте. – Похлопав по подлокотнику рукою, Корчиньский рассмеялся, и злорадный смех его прозвучал на фоне гудения самолета, подобно визгу циркулярной пилы. – Да и русские предпочли бы встретиться сегодня не со мной, а с премьер-министром. С ним всегда можно договориться.

Это было равносильно обвинению в предательстве национальных интересов. Кто-кто, а Стас Корчиньский не собирался уступать Москве даже в мелочах. Астафьеву он не доверял так же, как Силину, и с обоими первыми лицами Кремля у него сложились крайне натянутые отношения. Что ж, на этом и строилась политика Корчиньского. Это по его инициативе одна из варшавских площадей была названа именем Джохара Дудаева. Это он предложил Евросоюзу ввести санкции против Москвы за эмбарго на ввоз польского мяса. С его же подачи Польша наложила вето на начало переговоров по новому двустороннему соглашению между Брюсселем и Москвой. Став президентом, он ни разу не встретился с российскими руководителями с глазу на глаз, а в России побывал лишь однажды, в 2007 году, все в той же злополучной Катыни, куда летел снова. «Надеюсь, визу мне дадут», – съязвил он, объявляя о своем решении в начале марта.

Виза, понятное дело, выдана была, однако первым прорвался в Катынь вездесущий Дональд Тусек, побывавший там вместе со своим российским коллегой Владленом Силиным не далее как седьмого апреля. В ходе поминальной церемонии оба премьера, как обычно, неплохо спелись и исполнили дуэтом свою любимую песню о взаимопонимании и добрососедских отношениях. Как будто можно дружить с медведем, не посаженным на цепь!

При мысли о соглашательской политике Тусека настроение у Корчиньского слегка испортилось, и, обращаясь к соратнику, он озабоченно произнес:

– Как бы наши телевизионщики не устроили саботаж в Катыни. Ты же знаешь, что все они едят из кормушки правительства.

– Слишком поздно, – успокоил друга Ардановский. – Визит расписан по минутам, а, кроме того, в Катыни тебя ожидают репортеры со всего мира. Прямой эфир, Стас, это великая сила.

– Да, но эта телеведущая из ТВП... как ее? Ага, Иоанна, она способна на любую провокацию. В ее программе меня, законного польского президента, называют консерватором и националистом. – Корчиньский негодуя всплеснул руками. – Это я националист, Кшиштоф, я?! Человек, посвятивший жизнь служению родине?

– Ты же сам сказал, что Тусек контролирует телевизионщиков. Вот они и отработывают свои злотые.

– Сребреники, Кшиштоф, сребреники, – прошипел Корчиньский. – Это иудины деньги. Но сегодня...

Пока они, сблизив головы, шушукались о чем-то, в салон заглянула стюардесса, предложившая завтрак и напитки. Покосившись на ее длинные ноги, пани Мария выпроводила девушку раздраженным взмахом руки:

– Свободна, милая. Мы уже завтракали.

– Пригласите ко мне секретаря канцелярии, – попросил стюардессу Корчиньский, тоже не оставивший без внимания ее ноги. – И пусть захватит с собой регламент.

Явившийся на вызов пан Выпих принялся зачитывать расписание предстоящих церемоний. Когда дело дошло до вручения Корчиньскому урны с землей из Катынского леса, Стас зевнул, деликатно прикрыв рот ладошкой. Когда же секретарь принялся излагать порядок награждения членов российского «Мемориала», Корчиньский уже мирно дремал, измотанный подготовкой к визиту в Россию.

Тем временем шестидесятитонный самолет, подобно крылатой торпедой, мчался над облачной равниной с крейсерской скоростью девятьсот километров в час. В прозрачном разреженном воздухе была отчетливо видна каждая заклепка на его фюзеляже. Сверкающий на солнце, он казался игрушечной моделью, запущенной в небо.

Сидящим внутри, конечно же, самолет виделся иначе: тесная длинная капсула с рядами окошек, сквозь которые можно полюбоваться разве что скошенным крылом. Желаящих разглядывать его не было. Многие пассажиры, убаюканные монотонным гудением двигателей, уснули, остальные негромко беседовали, листали документы или что-то просматривали на экранах своих ноутбуков. Стюардессы, разносившие соки, чай и воду, заученно улыбались каждому, кто удостоивал их взгляда. Ничто не предвещало беды, приближающейся с каждой минутой, за которую «Ту-154» успевал пролететь пятнадцать километров. Скорость не ощущалась. Время растягивалось, как резиновое.

Разлепив веки, Корчиньский недоумевающе уставился на мобильный телефон, протянутый ему шефом президентской канцелярии. Звонил брат, спрашивал, как у Стаса дела.

– Все отлично, – ответил тот хриплым спросонья голосом. – Лучше быть не может, Мирек.

– Ты простудился? – обеспокоился брат.

Он всегда считал себя старшим, поскольку родился на сорок пять минут раньше. Иногда это бесило, но сегодня Стас Корчиньский испытал нечто вроде умиления.

– Я совершенно здоров, – сказал он, – просто задремал немного.

– Обычно ты не спишь днем, – произнес Мирослав недоверчиво.

Стас сел прямо, помотал головой, прогоняя сонную одурь, и признался:

– Устал я, Мирек. Сам знаешь, сколько проблем навалилось. Жаль, что тебя нет рядом.

– Маму нельзя оставлять одну, – напомнил Мирослав. – Ее здоровье очень пошатнулось в последнее время. – Он вздохнул: – Совсем старенькая наша мамочка. Переживаю за нее. Очень.

– Я тоже, – сказал Стас жалобным, как у маленького мальчика, голосом. – Спасибо, что ты заботаешься о маме. Передавай ей привет.

– Лучше бы ты почаще ее навещал.

– Обязательно навещу. Вот вернусь из России, и сразу к вам. Отметим нашу очередную победу в семейном кругу.

– Ты поосторожней там с русскими, – предупредил Мирослав. – Сам знаешь, что это за народ. С виду стали почти цивилизованными, но в душе остались прежними. Дикари. От них можно ожидать любой подлости. Нож в спину, пулю в затылок... Сам знаешь их излюбленные методы.

– Ну, на этот случай со мной летят все наши главные силовики, – усмехнулся Стас Корчиньский. – Обязательно посмотри по телевизору, как прижмет хвост пан Астафьев, когда окажется лицом к лицу с цветом польской нации. Мы не украинцы, перед которыми можно безнаказанно играть мускулами.

– Желаю вам удачи, и знайте, что душой я с вами. – Помолчав, брат президента поинтересовался: – Вы уже приземляетесь?

– Пока нет, но, думаю, скоро сядем, – ответил Стас Корчиньский и ошибся так, как не ошибался еще ни разу в жизни.

Злой рок незримо витал в воздухе, готовясь внести свою лепту в большую политику.

В то самое время, когда близнецы Корчиньские разговаривали по телефону, с пилотами президентского самолета связался белорусский диспетчер, сообщил, что над Смоленском собирается густой туман, и настоятельно посоветовал садиться в Минске. Через несколько минут на связь вышел руководитель полетами военного аэродрома «Северный» и, зачитав сводку Гидрометцентра, предложил совершить посадку на любом из близлежащих аэродромов – в Минске, Витебске, Липецке или Москве.

Сняв наушники, командир экипажа Аркадиуш Протасюк покачал головой и отправился с докладом к президенту. Выслушав прогноз, тот состроил недовольную мину.

– Какой туман, пан летчик? Погляди туда. – Он ткнул пальцем в иллюминатор, за которым разливалась слепящая голубизна. – Прекрасная солнечная погода.

– Мы летим на десятикилометровой высоте, пан президент, – сказал Протасюк.

– Ну и что?

– Внизу все выглядит иначе. В Смоленске нелетная погода. Видимость ниже допустимого минимума.

– Вы ничего не путаете?

– Я прекрасно знаю русский язык, пан президент. Мне сообщили, что десять минут назад «Ил-76», сделав два круга над «Северным», поостерегся садиться в густом тумане и ушел на посадку в Москву. А ведь это были здешние летчики, хорошо знающие местность.

Прикинув, сколько времени займет автопробег из Москвы в Смоленск, Корчиньский почувствовал, что начинает закипать от злости.

– Кое-кто хочет, чтобы я опоздал в Катинь, где меня ждут тысячи людей и десятки телекамер, – произнес он, с трудом сдерживая раздражение. – Не знаю, что там приключилось у русских, а наш самолет с журналистами благополучно приземлился, о чем меня недавно известили по телефону. Как же это возможно?

– Не знаю, – нахмурился Протасюк.

– Зато я кое-что знаю, – заявил Корчиньский с кислой миной. – Если я сяду в Москве и не попаду на церемонию, то это будет политическое унижение. – Он прищурился. – Может быть, русские диспетчеры намеренно сгущают краски? Может, это они нагоняют туман? Воображаемый туман! В таком случае, мы не должны поддаваться на провокации. – Заметив, что летчик нахмурился, президент сменил тон. – Впрочем, вы здесь, конечно, главный, и решение остается за вами. Я всего лишь пассажир. – Корчиньский развел руками. – Мне остается лишь подчиниться... как тогда в Тбилиси.

У Протасюка дернулся кадык. Намек был более чем прозрачный. Полтора года назад, в разгар российско-грузинского конфликта, пилот президента отказался сажать самолет в столице Грузии, ссылаясь на маршрут полета, утвержденный канцелярией. Он заявил, что в такой сложной политической обстановке не имеет права рисковать жизнями президентов Польши, Латвии, Литвы, Эстонии и Украины, спешивших выразить поддержку своему другу Михаилу Саакашвили. Стас Корчиньский тогда впал в настоящую истерику, и все же непокорный летчик приземлился в Азербайджане, за что был уволен из воздушного флота без права восстановления в должности.

Протасюку вовсе не хотелось полатиться собственной карьерой и лишиться престижной работы. Положение у него было безвыходное, и все же он предпринял еще одну попытку.

– Итак, – произнес он, – если я правильно понял вас, пан президент, то, несмотря ни на что, вы приказываете мне садиться в Смоленске?

– Приказываю? – возмутился Корчиньский. – Предлагаю, пан летчик, всего лишь предлагаю. – Он обвел салон взглядом, призывая присутствующих в свидетели. – В мои полномо-

чия не входит командование самолетами, хотя полномочия президента простираются далеко, очень далеко. – Его взгляд, устремленный на Протасюка, был чист и ясен, как у ребенка, сваливающего вину на другого. – Повторяю, решение за вами. Идите и выполняйте свой долг. Надеюсь, вы его правильно понимаете?

– Да, пан президент, – вздохнул Протасюк, кивнул и покинул салон.

В кабину он вошел с потемневшим лицом, на расспросы товарищей отвечал коротко, с их взглядами старался не встречаться.

– Значит, все же будем садиться в Смоленске, – озабоченно пробормотал второй пилот. – Не нравится мне это.

– А уж мне как не нравится! – воскликнул бортинженер, не снимая рук с рычагов управления двигателями. – Лучше бы мы обычных пассажиров возили, честное слово. С этими шишками сплошные проблемы. И вообще польской элите противопоказано путешествовать по воздуху, кто-то на нее порчу навел. Помните, как премьер Миллер до Варшавы недотянул? А наш командующий ВВС, самолет которого вошел в штопор на учениях? А потом все его подчиненные, что в 2008-м всмятку разбились под Щецином?

– Хватит болтать, и без тебя тошно, – оборвал бортинженера Протасюк. – Готовимся к посадке. – Он положил руки на штурвал. – Управление беру на себя. Следи за интерцепторами, инженер. Штурману поддерживать постоянную связь с землей. – Протасюк набрал полную грудь воздуха, как перед прыжком с парашютом, и закончил: – Передай диспетчеру, что мы заходим на посадку.

– Но...

– Мы заходим на посадку, черт подери!

Повинуясь штурвалу, «Ту-154» совершил плавный разворот и начал снижаться, стремительно проваливаясь сквозь слои облаков. Солнце исчезло. В просветах появилась земля, затянутая серой дымкой. Ландшафт был окрашен в унылые серые и бурые краски, словно желая усилить и без того тревожное состояние экипажа.

– Полагаю, вертикальная видимость внизу менее ста метров, – доложил второй пилот, глядя в туманную кисею. – Горизонтальная менее тысячи или что-то около того. Молоко, сплошное молоко.

– Сообщи диспетчеру, что мы ориентируемся на радиоконпасы, – велел Протасюк штурману. – Пусть ведет. Вся надежда на него и на Господа Бога.

– На связь вышел руководитель полетами аэродрома «Северный» Павел Плюснин, – сообщил штурман. – Говорит, что, по данным Гидрометцентра, видимость от двухсот до пятисот метров. Требуется личной связи с вами, пан командир.

Протасюк неохотно включил наушники. Плюснин тут же застрекотал кузнечиком:

– Ситуация чрезвычайная! Вы подвергаете опасности лиц государственного значения!

– Это они меня подвергают, пся крив! – рявкнул Протасюк, мешая польские и русские слова. – Сажусь по глиссаде. Полоса чистая?

– Чистая, – угрюмо подтвердил Плюснин. – А ты ее хоть видишь?

– Тут сам дьявол не разберет, что я вижу, а чего нет.

Мокрый, как мышь, командир экипажа взялся за рукоятку на левом пульте. Послышалось шипение гидравлических механизмов. Из носового люка и гондол на крыльях вывалились шасси, придавая самолету сходство с гигантским насекомым, растопырившим лапы на лету. Трижды он пронесся над аэродромом, всякий раз заходя на новый круг. При четвертом развороте лица пилотов в кабине блестели, словно окаленные водой.

– Почему не докладывает наземной службе параметры приземления самолета? – надрывался Плюснин на далекой земле.

– Не до цифр мне! – проорал Протасюк в ответ, облизывая соленые от пота губы.

– Вы же сейчас угробитесь, мать вашу! Переводите машину в горизонтальный полет и уходите, уходите!

В этот момент в кабину ввалился главком ВВС Анджей Бласик.

– Они настаивают, чтобы мы улетели, – сказал ему второй пилот, утирая лицо рукавом.

– Русские всегда на чем-то настаивают, – отмахнулся Бласик. – Да только не то время, чтобы диктовать условия великой Польше.

Потянув носом, Протасюк уловил запах коньяка и мысленно обругал главнокомандующего последними словами. Вслух попросил:

– Постарались бы вы переубедить президента, пан Бласик. Приземляться в тумане все равно что по крыше ходить с завязанными глазами. Я ни за что не ручаюсь.

– А радиомаяки? – удивился главком.

– Это военный аэродром, а не гражданский. Ближний привод размещен в километре от полосы, и заходить на него приходится на опасной высоте. Руководство аэродрома приказывает нам следовать на запасной аэродром.

– Очень настоятельно приказывают, – поддержал командира бортинженер.

– Согласно нормам международного права, – отчеканил главком, – окончательное решение о посадке принимает экипаж, а указания военных диспетчеров для гражданских летчиков носят рекомендательный характер. Вы ведь гражданские летчики, верно?

Это была ирония. Как полагается, пилотировали президентский самолет военные летчики из элитного 36-го полка польских ВВС. Протасюк носил чин полковника, дорожил им и не собирался лишаться погон.

– Конечно, – буркнул он, заходя на посадку в четвертый раз.

С первой попытки минуло ровно одиннадцать минут, но командиру экипажа казалось, что он провел над русским аэродромом целую вечность. Включив систему «Катет», выводящую самолет на глиссадные маяки, он забыл, что они расположены вдали от посадочной полосы, и слишком рано сбросил высоту, а затем совершил еще одну ошибку. Последнюю. Роковую. Вглядываясь в туман, Протасюк принял боковые ограничительные огни за так называемый «световой ковер», отклонился влево и ахнул, сообразив, что происходит.

– Земля! – завопил второй пилот. – Вверх, командир, вверх!

– Преждевременное снижение! – выкрикнул голос в наушниках. – Преждевременное...

Попытившийся главком тоже что-то закричал и стал валиться на пол, лихорадочно хватаясь за что попало. Стряхнув его руку с плеча, Протасюк врубил форсаж и качнул самолет вправо, надеясь набрать высоту с разворота. Но было поздно. Зацепившись крылом за верхушку дерева, «Ту-154» врезался в лесополосу, круша ветки и теряя на лету листы сорванной обшивки. Сквозь хруст, треск и скрежет доносился многоголосый вой пассажиров, понявших, что самолет терпит крушение.

Поврежденное крыло отвалилось и, срезая по пути стволы, упало на проселочную дорогу. Но и без крыла многотонный дюралевый снаряд пролетел по инерции не одну сотню метров, а потом, врезавшись носом в землю, еще некоторое время то подпрыгивал, то скользил на брюхе, вспахивая ковер прелой листвы. До болота он докувыркался разорванный пополам, искореженный и смятый, как пивная банка, побывавшая в мясорубке. Чудовищные пылесосы двигателей заглохли не раньше, чем сорвали с людей одежду вместе с кожей и скальпами. От самих людей мало что осталось. Лишь внутренности и ошметки мяса, отделившегося от костей, вылетали в окна и дыры в корпусе, смешиваясь с грязью, в которую сыпался град металлических обломков. Они кромсали теплую еще человеческую плоть, разбрасывая ее по всей округе.

Когда пожарные, поднятые по тревоге, прорвались к остаткам самолета сквозь заболоченный лес, некоторые из них падали в обморок, а остальные даже не пытались перебороть тошноту.

– Там было месиво, – скажет один из них позже журналистам. – Люди как грибы, раздавленные в корзинке. Гробы-то подвезли, больше ста гробов, да только пассажиров по кусочкам собирали в полотна из полиэтилена. Хорошо еще, что баки не рванули, успели потушить...

– Такого ужаса я даже в Чечне не видел, – признавался другой. – Целых тел не осталось. Даже охранников в бронежилетах по земле размазало. Человеческие кости позастревали в деревьях, а под ногами все красное... Бр-р, я теперь долго еще уснуть не смогу, боюсь. Мерешатся они мне. Закрываю глаза – и всюду кровь, кровь...

Телерепортеры, примчавшиеся из Катыни, будут бродить по колону в непролазной красной грязи, снимая искореженные фрагменты самолета: задранные к небу шасси, турбины, лохмотья фюзеляжа, зарывшуюся в землю кабину пилотов. Трупы в кадр не попадут – трупов там не останется. Подгонят самосвалы с песком, технику, милицию, войска, команды следователей и экспертов, оцепят место трагедии, и сводки с него заполнят мировой телеэфир, озвученные скороговорками дикторов, вещающих на всех языках:

– Катастрофа века! В результате крушения самолета «Ту-154» под Смоленском Польша лишилась президента, его ближайших соратников и военного командования страны. Погибли все девяносто шесть человек, находившихся на борту: восемь членов экипажа и восемьдесят восемь пассажиров – официальная делегация из Польши во главе со Стасом Корчиньским.

Корчиньский, Корчиньский, Корчиньский... С утра до вечера, всю ночь напролет и в последующие дни, наполненные тревогой и скорбью, эта фамилия будет повторяться на все лады по всей планете.

Какой мощный, какой масштабный пиар! И какой черный...

Польша зажжет свечи и склонит головы в костелах, забыв о политических распрях на целую неделю, объявленную траурной. А над Европой поплывет облако черного пепла из исландского вулкана, который многим будет казаться дымом погребального костра.

И грозный призрак новой мировой войны поднимется вместе с этим дымом, хотя разглядят его лишь самые прозорливые.

2

Прежде чем траурный кортеж с гробами польского президента и его супруги проехал по главным улицам Варшавы, десятки тысяч поляков собрались на площади Пилсудского, украшенной цветами. Их запах показался Мирославу Корчиньскому кладбищенским. Пожалуй, это была первая связная мысль, возникшая в его одурманенном лекарствами мозгу за всю неделю после кошмарной авиакатастрофы. Медики не отходили от него ни на минуту. У него не было сил прогнать их к чертовой матери.

Траурная месса промелькнула для Корчиньского как короткий тягостный сон, почти не оставив о себе воспоминаний. Затем он вдруг оказался на площади, среди царившей вокруг тишины. Ему не сразу удалось сообразить, что объявлена минута молчания, и он не разобрал ни единого слова из прощальной речи спикера сейма Бронислава Коморовского. Зато в голове появилась еще одна конкретная, связная мысль: «Бронислав взял слово первым, потому что исполняет обязанности президента. Следовательно, он считает себя преемником Стаса. А я? Разве не я должен занять место покойного брата? Мы ведь одно целое... Мы были одним целым».

После этого сознание Корчиньского прояснилось окончательно, и он заставил себя слушать внимательно.

– Немного моментов в истории нашего народа, когда мы вместе, – говорил Коморовский, и для подтверждения своих слов соединил ладони. – И вот мы вместе. И все мы испытываем одинаковое ощущение пустоты.

«А ты, конечно, – продолжил Корчиньский мысленно, – намерен эту пустоту заполнить».

С таким же мрачным сарказмом выслушал он главу правительства Дональда Тусека, который выступил следом за спикером.

– Масштабы этой трагедии, – произнес Тусек, склоняясь к микрофону, – выходят за границы человеческого понимания. Для всех нас это огромное испытание. Мы будем об этом помнить.

«Да, – мысленно подтвердил Корчиньский. – Мы будем об этом помнить, обязательно. Во всяком случае, я. И я не забуду, что ты, пан премьер-министр, пожалел денег на нормальный самолет для моего брата. И припомню тебе, как ты обнимался с Силиным, будто тот тебе самый родной и близкий человек. От меня ты отделался официальным рукопожатием».

С этой минуты горечь, скопившаяся в его душе, сменилась жгучим мстительным чувством, заглушившим собой все остальное. По пути домой он сидел в автомобиле нахохлившись, словно от холода, а когда шофер почтительно доложил, что они прибыли, спросил:

– Скажи мне, ты видел тот репортаж, в котором Тусек ищет утешение в объятиях Силина? Что ты об этом думаешь?

– Мне показалось, что наш премьер-министр плохо соображает, что делает, – уклончиво ответил шофер.

– Зато их премьер-министр отлично понимал, что происходит, – произнес Корчиньский. – Он позаботился, чтобы весь мир стал свидетелем его благородства, тогда как Польша предстала на экранах жалкой и беспомощной. Нас прижали к себе и поощрительно похлопали по плечу. Красивый жест. Но полякам не стоит верить в искренность Москвы.

Силина, Астафьева и иже с ними Корчиньский в отличие от Тусека считал своими заклятыми врагами. Самым же родным и близким для него человеком был Стас, Стасик, любимый младший братишка, родившийся на сорок пять минут позднее.

Как и положено близнецам, они всегда были неразлучны, а в шестидесятые годы их даже звали Болеком и Лелеком. О, они уже тогда купались в лучах славы! Вся детвора узнавала шестилетних Мирека и Стасика Корчиньских, снявшихся в фильме-сказке «Те двое, которые

украли луну». Там они были сельскими озорниками и воришками, и однажды намучившийся с ними учитель решил сосчитать волосы у них на головах, чтобы отличать одного от другого. Оказалось, что у Стасика на триста волосинок меньше, чем у Мирека. В то время никто не предполагал, насколько пророческой окажется эта шутка. Спустя десятилетия Стас Корчиньский действительно облысел, тогда как Мирослав сохранил некое подобие прежней шевелюры, хотя и изрядно поредевшей.

Вспомнив об этом, он машинально провел ладонью по волосам, выбрался из машины и стал подниматься по лестнице, переставляя ноги с таким трудом, словно совершал подъем на Голгофу. В прихожей он достал из стенного шкафа вязаную кепку, натянул ее на голову и придирчиво осмотрел себя в зеркале. С волосами, скрытыми кепкой, его почти невозможно было отличить от брата. На мгновение Мирославу даже почудилось, будто перед ним стоит Стас, чудесным образом воскресший после авиакатастрофы. В этом видении было что-то пророческое. Пальцы Мирослава сами собой растопырились, образовав букву «V» – символ победы. Полюбовавшись своим изображением, он сунул руки в карманы плаща и поднялся в спальню матери.

Несколько недель она провела в кардиологическом отделении госпиталя при Военном институте медицины, но, когда кризис прошел, ее перевезли домой.

Несчастной пани Корчиньской было восемьдесят три года, и в последнее время она страдала всеми старческими недугами, которые только существуют в природе. Но сегодня Мирослав впервые поймал себя на мысли, что ослабление зрения и памяти маме послал сам Господь, желая уберечь ее от ужасного потрясения. Она до сих пор не знала о гибели младшего сына. Телевизор из ее комнаты вынесли под каким-то благовидным предлогом, а прислуге было строго-настроено запрещено рассказывать о случившемся.

Войдя в полутемную спальню, Мирослав жестом выпроводил сиделку и, приблизившись к кровати на цыпочках, склонился над матерью. «Бедная мама, – мысленно произнес он. – Я знаю, как тебе трудно, но, умоляю тебя, не умирай, продержись хотя бы еще немного. Если не ради себя, то хотя бы ради своего сына. Он теперь у тебя единственный».

Почувствовав взгляд Мирослава, мать открыла глаза. Словно вор, застигнутый на месте преступления, сын стремительно попятился. Кепка надежно скрывала его седые волосы, однако существовали другие приметы, по которым мать способна различать своих сыновей, пусть даже похожих как две капли воды. Например, родинка на щеке Мирослава. Или отсутствие обручального кольца на левой руке.

– Мирек? – спросила мать, силясь оторвать голову от подушки. – Почему ты явился одетым? И почему не хочешь присесть рядом?

– Опять ты нас перепутала, мамочка, – улыбнулся Мирослав, отчего на его круглых щеках появились фирменные ямочки братьев Корчиньских. – Я Стасик. Внизу ждет машина. Дела вынуждают меня срочно отправиться в Краков. Не хотел уезжать, не попрощавшись с тобой.

– Спасибо, Стасик, – прошелестел материнский голос. – Ты такой заботливый мальчик.

Инсценировка удалась. Неудивительно. Уже будучи взрослыми политическими мужами, Мирослав и Стас нередко выдавали себя друг за друга, вводя в заблуждение соратников по партии и Службу безопасности сейма. Они так преуспели в своих семейных инсценировках, что внучка Стаса, маленькая Ева, постоянно путала родного дедушку с его близнецом, дядей Мирославом. Одеваться они старались одинаково, отдавая предпочтение стандартным серым костюмам и сорочкам с устаревшими воротничками. Галстуки братья носили либо однотонные, либо в горошек, но ни в коем случае не полосатые. К сожалению, то, что осталось от Стаса после крушения самолета, уже не нуждалось ни в костюмах, ни в рубашках, ни в галстуках.

Сглотнув соленый комок в горле, Мирослав произнес:

– До свиданья, мама. Целовать тебя не стану, боюсь заразить какой-нибудь простудой. Мирек едет со мной. Завтра вечером он вернется, а я... я... гм... – Мирославу пришлось откашляться. – А я отправляюсь в длительную поездку.

– Куда? – спросила мать, щуря подслеповатые глаза.

– Далеко. Большой тур по Европе, Азии и Америке.

– Как? В последнее время тебя никуда не приглашали.

– Пригласили, – солгал сын. Пятясь, Мирослав машинально погладил левую руку, ноющую после того, как он сломал ее на ступенях правительственного костела.

– Погоди-ка, – окликнула мать.

– Что? – Мирослав замер.

Неужели он выдал себя характерным жестом? Если правда раскроется, то последствия даже страшно себе представить! Уж лучше бы тогда Мирослав разбился вместе со Стасом.

– Ч-что? – повторил он, ощущая, как ледяной кулак сжимает его сердце.

– Помнишь тот фильм про луну? – тихо спросила мать.

От облегчения Мирослав почувствовал себя невесомым, как воздушный шарик.

– Только сегодня вспоминал, – сказал он.

Пока мать в тысячный раз пересказывала ему историю о том, как протолкнула сыновей в кинематограф, Мирослав, чтобы убить время, разглядывал белоснежного кота Алика, развалившегося посреди персидского ковра. Коту перевалило за десять лет, но он все еще любил порезвиться. Никогда не проходил мимо цветов в вазе, обязательно забирался на стол и терзал букет, пока с него не осыпались все лепестки. В доме Корчиньских Алика никогда не наказывали, любили, холили и уважали за преклонный кошачий возраст. Мирослав прощал ему даже лужи в углах, не говоря уже о таких мелочах, как ободранные обои и занавески. Сейчас Алик укоризненно смотрел на него, обиженный непривычно равнодушным поведением хозяина. Кот привык, что Мирослав ласкает его, приговаривая всякие уменьшительные прозвища. Покойный Стас его вниманием не баловал. Изображая брата, Мирослав не знал, имеет ли он право погладить четвероногого любимца.

– Вы были в кино такие веселые, такие хорошенькие, – закончила рассказ мать. – И оба во всем оранжевом.

– Может быть, может быть, – пробормотал Мирослав, решившись наконец оказать коту внимание.

Когда он присел, чтобы почесать Алику живот, его колени издали неприятный хруст.

– Это было символично, – сказала мать, едва шевеля морщинистыми губами. – Очень символично.

– Обычный ревматизм, – дернул плечами Мирослав. – Ведь мы уже давно не мальчики, мама. Какая может быть символика в хрусте суставов?

– При чем тут суставы, когда я говорю об оранжевом цвете?

– Ах, вот оно что...

Мирослав построил понимающую мину, хотя, по правде говоря, давно потерял нить разговора.

– Ну да, – кивнула мать, не отрывая головы от подушки. – Сначала замечательные оранжевые костюмчики, которые были вам так к лицу. А потом оранжевые ленточки в ваших петлицах на этой огромной холодной площади в Москве под оранжевыми знаменами демократии... Кстати, как она называлась, Стасик? Червоный плац?

Выпрямляясь, Мирослав поморщился, но на этот раз не от хруста суставов, а от запахов лекарств, пропитавших душную, никогда не проветривающуюся спальню.

– Она называлась Майдан, мама, – сказал он, подошел к двери, открыл ее и уточнил с порога: – Только это было в Киеве, а не в Москве.

– Жаль. А я думала, вы наконец обуздали эту ужасную Россию...

Губы Мирослава тронула слабая улыбка.

– Все впереди, мама, – пообещал он. – Не сомневайся.

Мать протянула руку, мало чем отличающуюся от желтой, высохшей конечности мумии.

– Стасик, – тихо окликнула она.

Мирослав, стоя одной ногой на лестничной площадке, демонстративно взглянул на часы. Он никогда не позволил бы себе подобного жеста, если бы не роль Стаса, в которую он вжился. Сам по себе Мирослав никогда не перечил матери, боготворил ее, а все заработанные деньги переводил на ее счет, даже не помышляя о том, чтобы потратить лишний злотый без материнского согласия. Безмозглые журналисты писали, что пани Корчиньская не доверяет сыну распоряжаться финансами самостоятельно, опасаясь, что его непременно облапошат, и задавались вопросом, как может заниматься политикой столь безвольный человек. В действительности Мирослав был не безвольным, он был мягким, любящим, заботливым сыном, и ему пришлось пересилить себя, чтобы пробормотать:

– Извини, мама, я опаздываю.

Знай пани Корчиньская, что ей перечит Мирослав, она бы высказала ему все, что думает о его поведении. Но она пребывала в полной уверенности, что видит перед собой Стаса, а потому позволила себе просительные интонации:

– Не беспокойся, я не задержу тебя надолго. Всего одна минута, Стасик... Полминуты.

Мать показала сыну кончик мизинца, похожего на обглоданную куриную косточку.

– Я слушаю тебя, мама, – произнес Мирослав смиренно.

– Тебе и Миреку было девять лет, когда я прочла вам вслух трилогию Сенкевича. «Огнем и мечом», «Потоп»...

– «Пан Володыевский», – перебил Мирослав. – Можешь быть спокойна, мама. Мы все помним. Это хранится здесь... – он прикоснулся пальцем ко лбу, – и здесь... – Он похлопал себя по груди. – Мы благодарны тебе за твои уроки и знаем, как нужно любить свою родину.

Глаза Мирослава непроизвольно увлажнились. Сказывалось то невыносимое напряжение, в котором он провел последние дни. Никогда не думал он, что взрослый мужчина способен проливать так много слез.

– Мы твои сыновья, мама, – сказал Мирослав, – но мы также сыновья великой Польши.

– Это я и хотела услышать от тебя, Стасик, – прошептала мать, сомкнув коричневые веки. – Передай мои слова Миреку, прошу тебя. Иногда он бывает таким легкомысленным.

– За последние дни он очень изменился, мама. Не сомневайся.

С этими словами Мирослав Корчиньский прикрыл за собой дверь и немного постоял в одиночестве, по-детски утирая глаза кулаком. Никого, никого не осталось у него, кроме старенькой мамы. Кто защитит его от большого жестокого мира теперь, когда Стас бросил его на произвол судьбы? Опять начнется травля в прессе, опять журналисты станут безнаказанно называть Мирослава маменькиным сынком. Кроме того, они постоянно перебивают Мирославу косточки и роются в его грязном белье. А вдруг опять посыплются обвинения в гомосексуализме? Пресса никак не желает позабыть тот отвратительный случай во время выборов, когда первый президент Польши Лех Валенса предложил Мирославу Корчиньскому явиться на дебаты «со своим мужем». Это был болезненный удар, и нанесен он был ниже пояса. Трудно тогда пришлось братьям, построившим свою предвыборную программу на борьбе с геями и лесбиянками. Они справились, и они победили, но ведь их было двое. Теперь же Мирослав остался в полном одиночестве. Рядом ни одного человека, на которого можно положиться. Всюду измена, интриги, мышиная возня.

– Ах, Стасик мой, Стасик, – проговорил Мирослав, тяжело спускаясь по ступеням, – подвел ты меня, братик. Вместе бы мы опять украли луну, а без тебя...

Он осекся, увидев в холле секретаря, подтянутого молодого человека с породистым, слегка обрюзгшим лицом. Секретарь был непривычно бледен, а руки его, держащие конверт из белой бумаги, подрагивали.

Мирослав похолодел. Он хорошо знал, что могут таить в себе подобные конверты без обратного адреса.

– Опять? – спросил тоскливо Корчиньский.

В знак согласия секретарь наклонил голову.

– Они хотят добить меня окончательно, – воскликнул Мирослав Корчиньский, потрясая кулаком, будто был способен поколотить хоть кого-то. – Подлецы, негодяи, подонки! Они пытаются запугать меня. Рассчитывают на то, что я отрекусь от своих убеждений. Не бывать этому! – Не помня себя, Корчиньский порывисто сорвал с головы кепку и швырнул ее на пол, словно намереваясь растоптать ее. – Пусть подавятся своими пулями. – Смертельно побледневший, он заставил себя замереть на месте, снова и снова вонзая ногти в ладони. – Пуль сколько? Три?

– Как и в прошлый раз. – Секретарь, соглашаясь, наклонил голову. – Одна от автомата Калашникова, вторая – от спортивной винтовки, третья – от пистолета. Ну и письмо. Зачитать?

Корчиньский отмахнулся.

– Да знаю я, знаю. «Для твоей кошки, для твоей мамы, для тебя». Так?

– Да, – виновато подтвердил секретарь. – Но слегка в иной последовательности. На этот раз первой значится не кошка, а... э-э, пани Ядвига. – Помявшись, он спросил: – Передать конверт Службе безопасности?

– Чтобы завтра об этом опять раструбили все масс-медиа?

– И как же я должен поступить?

Корчиньский поднес к глазам ладони, на которых остались красные отметины ногтей.

– Уничтожь всю эту дрянь, Адам, – решил он, нервно потирая руки. – Письмо сожги. Только не вздумай бросать в камин патроны. Маме нужен покой, полный покой.

– В таком случае, – сказал секретарь, – я сегодня же утоплю их в Висле. И еще...

– Да? – поднял брови Корчиньский.

– На вашем месте я все же не стал бы игнорировать угрозы.

– А я на твоём месте не стал бы давать советы хозяину. Особенно когда тебя об этом никто не просит, Адам.

С этими словами Корчиньский покинул отчий дом.

По пути в Краков он взвешивал свои шансы поквитаться с шантажистами, с премьером, со спикером и, наконец, с русскими, которые при жизни боялись и ненавидели Стаса Корчиньского, а теперь рассыпались в любезностях перед его останками. Шансов было маловато, и это огорчало Мирослава. Еще больнее ранило его поведение краковцев, собравшихся возле Вавельского замка. Они, видите ли, протестовали против того, чтобы их президент был захоронен рядом с прахом польских королей, великих поэтов и славных воевод. Усевшись перед телевизором в гостиничном номере, Мирослав смотрел, как эти подонки скандируют свои оскорбительные лозунги и размахивают транспарантом с надписью «Братья Корчиньские, вы действительно достойны королевских почестей?»

«А разве нет? – раздраженно размышлял Мирослав. – Разве не мы возвеличили Польшу во всем мире и заставили считаться с нами всех остальных? Не мы ли сделали страну главным союзником Америки в Европе? Не наша ли партия решительно и последовательно пресекает претензии России на мировое господство? Если бы не мы, то система ПРО так и не была бы установлена в Польше. А что предлагают народу все эти подпевалы Кремля? Простить советскую агрессию в тридцать девятом? Забыть про Катынь? Позволить русским строить газопровод в обход нашей страны? Этого вы добиваетесь, неблагодарные собаки? Вот же действительно, пся крев, она и есть пся крев!»

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Корчиньского, стало известие о том, что лидеры большинства стран отказались присутствовать на похоронах, ссылаясь на отмену авиарейсов из-за извержения исландского вулкана. Никто из них не счел нужным почтить память президента Польши. Даже изгой Михаил Шахашвили позволил себе отделаться письменными соболезнованиями, выставив вместо себя посла. Это было не просто унижение, это был откровенный плевок на могилу бывшего покровителя и благодетеля.

Кипя от злости, Корчиньский связался со своим советником Марекком Мышкевичем, ушедшим из большой политики после фиаско в Белоруссии. Там Марек негласно руководил операцией по свержению Лукашенко, но народного восстания в стиле оранжевой революции не получилось, а получился жалкий фарс, после чего карьера бывшего посла бесславно завершилась. Корчиньские не отказались от его услуг, однако не афишировали связи с Мышкевичем, используя его в качестве консультанта.

Мирославу нравился этот умный, напористый мужчина с красивыми, сильными руками и порывистыми жестами, выдающими его пылкий темперамент. Мирослав часто прибегал к его услугам в трудные минуты и никогда не жалел об этом. Марек умел успокоить, предостеречь, внушить надежду, дать правильный совет. Вот и сейчас, вспомнив о его существовании, Мирослав Корчиньский поспешил набрать его номер.

– Да, – послышался в трубке голос, – я слушаю.

– Ты смотрел сегодня телевизор? – спросил Корчиньский, извинившись за поздний звонок.

– Конечно, – томно ответил Мышкевич. – В последние дни я его вообще не выключаю. Как ты? Как мама?

– Ты еще про кота спроси. Есть дела поважнее.

– Слушаю, пан Корчиньский.

– Прекрати эти церемонии, пожалуйста. Даже в должности премьер-министра я всегда был для тебя просто Мирославом. А сейчас тем более. Кто я теперь? – Корчиньский горько усмехнулся. – Брат погибшего президента, и только. Самое время уходить на покой и писать мемуары. Начну, естественно, с фильма про то, как двое близнецов украли луну. Ну а закончу тем, как один из них нашел погибель в русском самолете на русской земле. Что касается выжившего, то его похоронили заживо. Вот такая печальная история, Марек.

Уловив настроение опекуна, Мышкевич сменил тон.

– Не падай духом, Мирослав, – с чувством произнес он. – Испытания посылаются нам свыше для того, чтобы преодолевать их и двигаться дальше. У тебя все впереди. И то, что тебе сейчас кажется провалом, может обернуться в твою пользу.

– Но каким образом, Марек? – воскликнул Корчиньский, в душе которого загорелась искра надежды на чудо. – От меня все отвернулись. Все, на кого я рассчитывал, отказались прилететь на похороны. Прикажешь мне дружить с президентами Болгарии или Румынии? Опирайтесь на авторитет хорватов? Сомневаюсь, что нынешнюю ситуацию можно обернуть в свою пользу. Это невозможно.

– Насколько я понимаю, – вкрадчиво заговорил Мышкевич, – ты решил баллотироваться в президенты?

Застигнутый вопросом врасплох, Корчиньский переложил мобильный телефон из одной руки в другую, сделал глубокий вдох-выдох и лишь потом уклончиво произнес:

– Пока не закончится траур, мне не до политики, Марек. В каком свете я предстану перед народом, если начну агитацию у гроба любимого брата?

– Ну, агитация разная бывает, Мирослав. Не сочти меня циником, но горе, обрушившееся на тебя, приносит тебе дополнительные очки. Люди сочувствуют тебе, и грех не воспользоваться этим.

– Значит, ты рекомендуешь...

Корчиньский умолк, предлагая собеседнику продолжить фразу за него. Глупо было перекладывать ответственность на запятнавшего себя дипломата, однако иногда так трудно нести свой крест в одиночку. Мышкевич понял, что от него требуется, подумал о своих шансах вернуться в большую политику и заговорил, стараясь внушить Корчиньскому ту уверенность, которую сам он не испытывал:

– Битвы проигрывает тот, кто признает свое поражение, Мирослав. Тот, кто сдается, вместо того чтобы продолжать сражаться. Стоит опустить руки, стоит лишь смириться, и все, тебе конец.

– Да, – пробормотал Корчиньский, невольно припоминая истерику, которую закатил Мышкевич, когда его выдворили из Белоруссии, продержав для острастки в тюремной камере.

– Но нас сломить не так-то просто, – продолжал бывший посол. – По своей натуре мы бойцы, готовые умереть во имя своих идеалов. И ты, Мирослав, обязан, просто обязан высоко поднять знамя, выроненное твоим братом... Кстати, о знамени, – произнес он после недолгой паузы. – Ты видел карикатуру в этой бельгийской газете, как ее? – В трубке послышалось шуршание бумаги. – Ага, «Газет ван Антверпен».

– Разумеется, там изображен я, – предположил Корчиньский с горечью. – Маленький, толстенький, курносый и...

– Нет, – перебил Мышкевич, – карикатура не на тебя, Мирослав. Бельгийцы надругались над авиакатастрофой.

– Но это же кошунство!

– Кошунство, невероятное кошунство. В газете нарисован упавший польский орел, изображенный как бы на фоне нашего флага. Небо белое, земля красная, как кровь, и надпись: «Орел приземлился». Каково?

– Я подам на них в суд! – завопил Корчиньский, подскочив в кресле, будто подброшенный катапультий. – Кто главный редактор этой проклятой газеты?

– Некий Паскаль Керкове, – ответил Мышкевич. – Он уже принес свои извинения.

– Этого мало!

– Пусть с ним юристы разбираются, Мирослав. И пусть таких карикатур будет как можно больше. А мы с тобой будем коллекционировать их и радоваться.

– Что? – вскричал Корчиньский, потрясенный до глубины души. – Радоваться? Ты сказал: радоваться? Я ослышался? Или ты сошел с ума, Марек?

– Я в своем уме, Мирослав. И я рассуждаю холодно и трезво, как компьютер. Пойми, твои потенциальные избиратели сейчас подавлены катастрофой. У них обострено чувство национального единства. И чем сильнее будет задета их гордость, тем охотнее они сплотятся вокруг того, кто даст отпор обидчикам. – Мышкевич понизил голос: – Бедняга Стас всегда отстаивал национальные интересы Польши. Ты был рядом и провозглашал те же самые идеи. Мол, мы – великая нация, и никто не смеет унижать нас безнаказанно. Брось этот клич в толпу сегодня и опять станешь всеобщим любимцем. Людям нужны герои. Будь им.

– Полагаешь, мне удастся обойти Тусека и этого выскочку, спикера Коморовского? Сейчас они у руля, а не я.

– Все изменится, – заверил Корчиньского Мышкевич. – Я даже набросал текст твоего заявления об участии в выборах. Вот, слушай... «Трагическая смерть моего брата, гибель патриотической элиты Польши означают одно: кто-то обязан завершить их миссию. Несмотря на личные страдания, считаю нужным взять на себя эту работу. Я решил баллотироваться на пост президента. Сплотимся ради Польши. Польша превыше всего...»

– Польша превыше всего, – повторил Корчиньский. – Мне нравится. Скажи, а опросы общественного мнения уже проводились?

– Проводились, Мирослав. Перевес пока на стороне Коморовского, у него около пятидесяти процентов. Затем идет...

– Тусек, опять этот Тусек!

– Ошибаешься, Мирослав. Сразу за Коморовским стоит твое имя. Разрыв минимальный. И если судьба подбросит тебе козырь, то карта соперников бита.

– О каком козыре ты говоришь, Марек? – насторожился Корчиньский.

– Накал политических страстей, Мирослав. Какое-нибудь событие, которое заставит людей искать сильного лидера. Лидера, способного повести за собой. Сегодня поляки скорбят, а русские утирают им слезы. Завтра им станет стыдно, и они захотят поквитаться. Кому, как не тебе, вести их за собой? Ну а потом, – Мышкевич хихикнул, – ТКМ.

Корчиньский машинально кивнул, хотя собеседник не мог его видеть. Популярную в Польше аббревиатуру ТКМ придумал он самолично. Расшифровывалась она как «теперь, курва, мы». Это было что-то вроде лозунга победителей, которые, придя к власти, обещают все переделать по-своему и отомстить врагам. Термин не сходил со страниц таких авторитетных газет, как «Речь Посполита» и «Политика», чем Корчиньский очень гордился.

– ТКМ, – пробормотал он, – вот именно. Я согласен участвовать в президентской гонке, Марек. Но публичное заявление об этом делать рановато.

– Правильно, Мирек. Пусть сперва закончится траур.

– Он закончится, – сказал Корчиньский, глаза которого остекленели, словно он видел перед собой не гостиничный номер, а красочную картину инаугурации.

– Тогда доброй ночи, Мирек, – пожелал Мышкевич.

– Что? Ах да. И тебе доброй ночи, Марек. На днях я с тобой свяжусь. Никуда не отлучайся из Варшавы.

Отключив телефон, Корчиньский подошел к окну, раздвинул шторы и уставился на ночные огни Кракова. Город, который оскорбил память покойного президента, спал как ни в чем не бывало. Брат Стаса Корчиньского долго смотрел на него, а потом подышал на стекло и вывел пальцем три буквы. ТКМ. Еще до того, как они испарились, Мирослав разделся, взбил подушку и юркнул под одеяло. Это была первая ночь после катастрофы, когда он уснул не с несчастным лицом, а со счастливой улыбкой на губах.

3

Первый помощник заместителя директора ФСБ Луконин поднес к губам стакан в серебряном подстаканнике и собрался сделать первый глоток, когда рука его предательски дрогнула. Пришлось поставить стакан на стол, прежде чем внимательно прочитать сообщение. Сделав это не один раз, а трижды, Луконин негромко выругался.

По долгу службы он ежедневно знакомился с милицескими сводками, отыскивая в них то, что могло заинтересовать Департамент по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом. Прежде чем попасть на стол к Луконину, сводки просеивались в трех отделах, а потом уж он лично выискивал в них те крупницы, на которые следовало обратить внимание начальства. Он привык к этой кропотливой, но необременительной работе, затрачивая на нее по полчаса служебного времени. Происходило это, как правило, утром. Но уже давненько Луконину не доводилось обнаруживать в сводках нечто такое, отчего он не мог сделать глоток чаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.